

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252>

<https://elibrary.ru/HQQZMO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Пародии А.А. Измайлова на святочные рассказы

© 2026, А.С. Александров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-02145 «Полное собрание пародий и шаржей А.А. Измайлова: источники, комментарии, контекст» (URL: <https://rscf.ru/project/25-28-02145/>).

Аннотация: В центре статьи — анализ критических оценок и пародий на рождественские рассказы ведущего литературного обозревателя начала XX в. А.А. Измайлова (1873–1921). Перу литератора принадлежит целая серия шаржей на святочную беллетристику: в сборник «Кривое зеркало» включены сразу четыре таких шаржа: «Рождественские крендели», «Как писать святочные рассказы», «Последний графоман» и «Гомункул (Рождественский рассказ)». В статье подробно рассмотрены эти пародии, отмечена их связь с «серьезными» критическими выступлениями Измайлова, указаны источники и художественные приемы пародийных текстов. При этом акцентируется возросшая в начале XX в. роль пародий, ставших эффективным инструментом в арсенале литературной критики.

Ключевые слова: святочный рассказ, пародия, фельетон, критика, гротеск, парафраз, литературный штамп

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: Александров А.С. Пародии А.А. Измайлова на святочные рассказы // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 235–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252>

Важной частью литературно-критического наследия А.А. Измайлова-фельетониста являются его пародии, высоко оцененные современниками. Наиболее популярные из них посвящены писателям начала XX в., среди них К. Бальмонт, А. Белый, З. Гиппиус, И. Рукавишников, Вяч. Иванов, Л. Андреев, С. Городецкий, А. Блок, М. Кузмин, Б. Садовской и многие другие.¹ Остроумные и меткие, шаржи привлекали внимание широкой публики и вызывали живой отклик коллег-литераторов, читателей. Измайлов признавался в письме к Сологубу: «Ко мне усиленно предъявляют просьбы — давать пародии, памфлеты и т. п. Это не Бог весть какой жанр, но его любят, и — не одна толпа. Вы знаете, что Пушкин пародировал Жуковского (“Послушай, дедушка...”) и Карамзина. Это свойство умов давать литературную карикатуру на то, что ей поддается» [10, с. 240]. Особое место в пародийном наследии критика занимает обыгрывание литературных штампов; этому же явлению отводится много места и в серьезной критике Измайлова.

Выразительно проблема высвечена в ряде измайловских пародий на рождественский или святочный рассказ. В сборник «Кривое зеркало» включены сразу четыре таких шаржа: «Рождественские крендели», «Как писать святочные рассказы», «Последний графоман» и «Гомункул (Рождественский рассказ)». Все они посвящены примечательному культурному явлению, становление и расцвет которого в России пришелся на XIX в., а истоки восходят к народной традиции и западноевропейской литературе². На рубеже веков святочный рассказ переживал кризис жанра, что выразилось в повторении сюжетов, мотивов, эксплуатации одних и тех же образов, копировании клишированных фраз. Этому способствовало бурное развитие информационного пространства и расширение читательской аудитории, как следствие — увеличение спроса на развлекательную литературу. Издатели, стремясь удовлетворить читательский запрос, часто жертвовали качеством, публикуя множество однотипных и малооригинальных произведений. 25 декабря ведущие газеты и еженедельные журналы отдавали свои полосы под рождественские номера, наполненные однотипными историями о чудесных спасениях, внезапных обретениях и покаянных прозрениях, с обязательным присутствием чуда и морализаторским посылом. В начале XX в. рождественские истории в соответствии с духом времени и общественным запросом вписаны в социальный контекст: в рассказах появляются политически неблагонадежные

¹ О нем см.: [2].

² Об этом подробнее см. в работах: [5; 6; 7].

студенты, выпущенные из-под ареста под Рождество, бедствующие младенцы арестованных бомбистов и проч. Авторы рождественских рассказов эксплуатировали знакомую канву праздничного чуда, чтобы поднимать острые социальные вопросы, что воспринималось современниками лишь как дешевая манипуляция и банальность. Чаще всего подобные душещипательные истории не поднимались выше уровня литературной поделки, наполненной клише, штампами, типичными ситуациями и предсказуемыми поворотами сюжета. Из года в год авторы, работавшие в этом жанре, повторяли одни и те же трафаретные истории. Обозревая рождественские рассказы 1901 г., Измайлов вспоминал, что многие сюжеты святочных рассказов он хорошо знает, так как читал их, еще будучи юношей:

В блаженные времена, лет пятнадцать назад, и пишущий эти строки с нетерпением ждал рождественского нумера, и ночью ему долго не давали спать приведения, беспокойно блуждающие в одиноких домах, и призраки, выходящие из рам портретов, а после снились медведи, топающие лапами на поляне около лесной ели. Вы удивляетесь, как можно было несколько лет назад знать содержание рассказов, которые появились только в нынешние святки, — о, нет, эти рассказы появились давно, они не новы, и, — «все это уж было когда-то, но только не помню когда...» И тогда все это казалось новым и я верил в простреленные портреты и в рассказы о людях, являвшихся, вопреки всем законам времени и пространства, в час своей смерти своим друзьям <...> вызывали мурашки на спине. Теперь мне становится смешно, когда я встречаю эти трескучие фразы, пустые, как свищ. <...> Какая банальщина!³

Систематический анализ Измайловым ежегодных потоков рождественской литературы отчасти был связан с его рутинной работой в должности заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей». В силу своих служебных обязанностей литератор каждый год был вынужден собирать праздничные рождественские номера, в которых и сам принимал участие⁴, а затем и делать обзоры. В связи с этой газетной работой критик вел обширную переписку с писателями-современниками. В своих письмах (как правило типовых), он, прося для специального выпуска беллетристическую вещь,

³ Измайлов А. Литература: Рождественские крендели // Биржевые ведомости. 1902. № 3. 3 янв. С. 3.

⁴ В наследии Измайлова есть и «классические» рождественские рассказы, написанные по законам жанра: «Черный ворон», «Odor mortis», «Пропавшая грамота», «Чугунная просвира» и др.

подчеркивал свободу автора в выборе тем и сюжетов, не настаивая на рождественской тематике⁵.

Начиная с 1901 г. Измайлов внимательно следил за тенденциями святочной литературы, а свои наблюдения отразил в ряде критических обзоров, ставших впоследствии источником для серии пародий. Подход, при котором пародия становилась продолжением серьезной критики, был частью творческого метода литератора. Измайлов был не единственным автором, откликнувшимся на кризисные явления святочной прозы. Пародии на святочные рассказы писали многие авторы, тесно сотрудничающие с массовой периодической печатью, среди них С.В. Яблоновский (Потресов), О.Л. Д'Ор, А.В. Амфитеатров, А.Т. Аверченко, Е. Венский и др.⁶

В обстоятельном фельетоне «Рождественские крендели», посвященном вышедшим в праздничных номерах газет и еженедельников в конце 1901 г. — начале 1902 г. святочным рассказам, Измайлов писал:

Газетные листы захлебнулись святочными рассказами. Я просмотрел по крайней мере полсотни рождественских кренделей, которые изготавлиются к Рождеству во всех странах, и без которых, очевидно, для обывателя был бы не полон праздник. Какая поистине плодovitость! Каждая из провинциальных газет выпустила заряд рождественских новелл собственных сотрудников. <...> Столичные органы блещут именами писателей и таких, которые хорошо пишут, и таких, о которых только можно сказать, что они много печатаются. Некоторые авторы, старые и молодые, фигурируют одновременно в нескольких столичных и провинциальных изданиях. Авсеенко здесь, Авсеенко там. Та же история с Потапенко, Лейкиным, Каразиным, Баранцевичем, Чириковым, Будищевым, Гославским, Скитальцем. Бездна новых имен и множество старых. Кроме названных, вы встретите — В. Тихонова, Гарина, Леонида Андреева, Марка Басанина, З. Яковлеву, В. Светлова, И. Якунина, Рышкова, Жданова, Чермного, Брешко-Брешковского, Северцева, Антропова-Сакмарова, Телешева и пр., и проч. Знакомые все лица и — увы! — знакомые мотивы⁷.

⁵ Ср., например, в письме к Брюсову от 30 октября 1915 г.: «Редакция “Биржевых ведомостей” очень просит Вас не отказать ей в беллетристической вещице в Рождественский №. Стесняя авторов только размером рассказа (250 строк), она предоставляет им в остальном совершенный простор, не настаивая ни на “рождественских темах”, ни на каком-либо касании совершающихся событий. <...> Без Вас какой же Рождественский номер! Пожалуйста!» [1, с. 206].

⁶ Ряд пародий указанных авторов анализируются в статье: [3, с. 284–328].

⁷ Измайлов А. Литература: Рождественские крендели // Биржевые ведомости. 1902. № 3. 3 янв. С. 3.

Критик отмечал особую бледность и заурядность рождественской беллетристики, «банальность замысла», слабую «разработку сюжета», «бездну риторического холода», противопоставляя ей рассказы Лескова, «особенного мастера по части истолкования мистических настроений». В этой оценке отразилось общее разочарование в традиционных формах рождественского рассказа, где морализаторство и сентиментальность часто заглушали искренность и оригинальность. Критик с сожалением констатировал в своем отклике пресыщенность праздничных выпусков однотипными историями о чудесных исцелениях и внезапных обретениях счастья, «избитые, стершиеся, набившие оскомину» сюжеты: «Фея-Фантаста покинула святочного рассказчика, точно рассказав все свои сказки. И предоставленный самому себе беллетрист повторяет зады»⁸.

В своем обзоре Измайлов отмечает цикличность, общность тем, банальность сюжетов, предсказуемость финалов. За бесконечными вариациями на темы «заблудшей души, нашедшей путь к свету» и «чудесного спасения в канун Рождества» теряется искра подлинности, то самое волшебство, которое когда-то сделало рождественские рассказы особенными:

Там знакомая игра на чувствах ребенка в веселые дни праздников, сулящих развлечения (Лейкин, Тихонов, Рышков), там сентиментальные сказания о матерях, тоскующих по отнятым от них детям (М. Басаргин), о радости приема подкинутого младенца (Л. Андреев), о блужданье в бурю и метель по суше (Якунин) или приключениях в море (Чермный), сказания об аскетах, их искусах и победах духа (Будищев и др.), о медведях, собирающихся вокруг лесной елки (Каразин), о штейгерах, погибающих в шахтах (Городецкий), или об умирающих чернорабочих металлургических заводов, которых съедает фабрика (В. Светлов), о черных кошках, своим беспокойством спасающих от гибели невест рассказчика (Авсеенко). О филинах, влетающих в хижину, где милуются любовники, насильственно устранившие помеху мужа из жизни (Будищев), о случайно приобретенных портретах, оригиналы которых живут таинственной жизнью, ночью выходят из рам и исчезают после выстрела в них испугавшегося хозяина, причем наутро в портрете оказывается «на груди маленькое круглое отверстие, — очевидно, след пули» (Авсеенко); наконец, сказы о босяках, расчувствовавшихся судьбою горемычного иностранца, борющегося с обезьянкой, и со-

⁸ Там же.

вершившим ради него кражу (Телешов), о привидениях, колдунах, заключенных домах, которыми положительно полны листки газет мелкой прессы и фельетоны газет провинциальных...⁹

Прочитав по долгу службы десятки рассказов, критик отметил одну положительную тенденцию: среди них он не нашел ни одного о замерзшем мальчике, которого «в рождественский вечер взял к себе на елку добрый барин». Речь идет о перепевах канонического сюжета рождественской новеллы, известных нам по рассказам Г.Х. Андерсена («Девочка со спичками») и Ф.М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке»). По наблюдению Измайлова, этот «ультрабанальный сюжет»¹⁰ заменили не менее банальные, от которых критик призывал решительно отказаться. Автор фельетона предложил современным писателям составленный с большой иронией список, в котором представлена типология сюжетов, уже освоенных знаменитыми предшественниками. Этот перечень — своеобразное предостережение авторам, работавшим в жанре рождественского рассказа. Измайлов считал, что писатель, если он не желает быть заподозренным в плагиате или, что еще хуже, в отсутствии оригинальности, должен твердо избегать следующих сюжетов и мотивов:

1. Нельзя рассказывать о тапёре, играющем в рождественский вечер в богатом доме, подле зажженной елки, и думающем о своей умирающей дочери.

2. О старом холостяке, принявшем в святочный вечер ребенка, купившем ему игрушки и усыновившем его, равно как и старом скупце, расчувствовавшемся в радостный вечер и с этого дня начавшем раздавать свое имение. Повесть о старом Скрудже раньше вас написал Диккенс.

3. О смельчаке-офицере, влюбленном в очаровательную девушку или не влюбленном — *ad libitum*¹¹, который, несмотря на ужасы, рассказанные ему сторожем заключенного дома, решился провести в нем ночь и был найден на утро без признаков жизни.

⁹ Там же.

¹⁰ Ведущий лейтмотив пародий в начале XX в. на святочные новеллы — сюжет о замерзшем ребенке. Как отметила Е.В. Душечкина, «без отсылки к нему не обходилась ни одна пародия на рождественские тексты» [6, с. 137]. Назовем лишь некоторые: *Горький М.* О мальчике и девочке, которые не замерзли // Нижегородский листок. 1894. № 349. 25 дек. С. 2–3; *Дорошевич В.* В аду // Одесский листок. 1899. № 308. 25 дек. С. 7–8; *Аверченко А.* Тысяча первая история о замерзающем мальчике // Аверченко А. О хороших, в сущности, людях. Пг.: Изд. «Нового Сатирикона», 1914. С. 41–42; *Венский Е.* Рождественский рассказ в настоящем, прошедшем и будущем // Журнал журналов. 1916. № 1. С. 14–15 и др.

¹¹ по желанию (*лат.*)

4. О столах и стульях, разговаривающих в святочную ночь. Равно о мумиях и восковых фигурах, проснувшихся в старом музее и беседующих с намеками на современность или без намеков.

5. О старой гувернантке, тете Соне, под шум развозившихся ребятешек на елке в чужом доме, вспоминающей свое светлое детство, первую любовь и скучающей о грустном увядании.

6. О добром барине, принявшем и обогревшим перемерзших детей-христославов.

7. О том, как умирала бедная елка, взятая из темного бора в пышный зал, равно о справлении зверями в лесу праздника Рождества.

8. О блудном сыне (равно — отце, брате), явившемся в сочельник к родным и встретившем примирение.

9. О замерзшем шарманщике (ни в каких видах).

10. Об отце и матери, примирившихся над постелью больного ребенка под звон рождественских колоколов.

11. О таинственном незнакомце, неожиданно явившемся на корабле (или в поезде железной дороги) и предупредившем неминуемую катастрофу...

Никогда не начинайте рассказа словами: «Мы сидели в рождественскую ночь в кабинете перед тлеющим камином и вели задушевную беседу»¹².

В заключение обзора критик призывал современников отказаться от слепого копирования старых образцов святочного рассказа и искать новые формы и сюжеты для выражения своих мыслей. Он подчеркивал, что канонизированные элементы святочного рассказа: внезапное чудо, перевоспитание злодея, воссоединение семьи — превратились в штамп, утратив свою первоначальную искренность, присущую образцам этого жанра в творчестве писателей предшествующего столетия. Измайлов выражал надежду на то, что рождественский рассказ должен возродиться, обновиться и «освободиться от сдавивших и исковеркавших его рамок, которые покрылись плесенью». Впрочем, несмотря на определенные надежды, он признавал, что из сотен современных рассказов, может быть, «ни одни не найдет признания даже у людей будущего пятилетия»¹³.

Интересен измайловский обзор 1905 г. будущей рождественской, святочной литературы, написанный еще до (!) выхода праздничных номеров: в фельетоне критик импровизирует, пытается предсказать

¹² Измайлов А. Литература: Рождественские крендели.

¹³ Там же.

сюжетные коллизии. Зная тенденции, наметившиеся в рождественской литературе предшествующих лет, Измайлов с уверенностью перечисляет темы рассказов, которые появятся 25 декабря 1905 г. В святочных рассказах, по его мнению, будут преобладать мотивы, связанные с современным внутри- и внешнеполитическим моментом:

Можно с несомненностью предсказать, под каким соусом будут поданы нам нынче те же старые сюжеты такими неталантливыми авторами. Сыновья, считающиеся убитыми или без вести пропавшими во время Японской войны, будут приходить в рождественскую ночь к скорбящим в одиночестве матерям. Тот же самый сюжет не одним автором будет испробован на получивших амнистию. Можно биться об заклад, что амнистированные вообще дадут самую обильную пищу авторскому воображению. Заколоченным домам и видениям «в белом» вообще придется несколько приспособиться к современному моменту. На фоне рождественской ночи или дня будут показаны трагедии политической междоусобицы. И так далее, и так далее¹⁴.

Ситуация, повлекшая создания этого фельетона, когда автор вынужден рассуждать о рождественских рассказах, еще до выхода праздничных номеров, подсказала Измайлову и сюжет его первой пародии на этот жанр — «Рождественские крендели»¹⁵.

Пародия, заглавие которой отсылает к одному из ранних измайловских обзоров святочных новелл, построена в форме диалога двух журналистов: один из них, литературный критик, заблаговременно пишет фельетон-отчет о рождественских рассказах, что вызывает недоумение коллеги, резонно интересующегося тем, как же возможно написать отклик о том, что еще неизвестно. О критике сообщается, что он был рецензентом «сотни книг, не разрезая их <...> по первой главе большого романа мог определить, чем он кончится». Этот опытный сотрудник посвящает новичка в творческий процесс и рассказывает о содержании фельетона, в котором заранее предугаданы заглавия рассказов и их содержание, после 25 декабря ему останется лишь вписать фамилии авторов:

¹⁴ Измайлов А. Рождественская литература // Родная нива. 1904. № 52. С. 474.

¹⁵ Впервые: Рождественские крендели: (Из записок критика) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. № 9635. 8 дек. С. 3; цит. по: Измайлов А. Кривое зеркало. 4-е изд. 1914. С. 156–165 (далее КЗ с указанием страницы при цитате); в сборнике пародия опубликована под заглавием «Рождественские крендели. (Из записок критика-самоубийцы, найденных в его столе)».

Нумер первый: «В рождественскую ночь», рассказ Имярека. Здесь надо оставить целую строку, потому что сюда придется вписать около десяти фамилий. В рождественскую ночь скорбная мать сидит в своей убогой комнатке и думает о несчастном сыне. Он — политический, сослан куда-то в Якутскую область, и о нем давно нет вести. И вдруг он возвращается, как раз в эту ночь! Он должен подойти неслышно, так чтобы «две сильные руки нежно обвили шею старушки» (КЗ. С. 160–161).

Второй типичный рассказ — под заглавием «Богоугодный жандарм» или «Раскаявшийся сыщик» — о неблагонадежном студенте или студентке, преследуемых сыщиком и в мгновение могущих попасть в цепкие лапы представителя власти. В рождественский вечер под воздействием нахлынувших сентиментальных воспоминаний жандарм или сыщик сам помогает укрыться беглецам. Далее перечисляются еще несколько избитых сюжетов, по поводу которых критик замечает: «Есть беллетристы, которые обожают банальность, как карась гнилую воду» (КЗ. С. 164). Пародия заканчивается восклицанием о мерзавце-авторе, который «в наши дни, в двадцатом веке, написал рассказ о мальчике, замерзшем в рождественскую ночь под окном с зажжённой и разубранной елкой!» (КЗ. С. 165).

Пародия «Рождественские крендели» носит явно автобиографический характер, что выразилось и в выборе главного героя, и в выборе сюжетной коллизии. Описанная ситуация, при всей ее комичности, как мы отметили выше, случалась и с самим Измайловым. Эта пародия — не только сатирический взгляд на отдельные произведения или авторов, она критикует всю систему литературного производства, ориентированную на тиражирование штампов и эксплуатацию сентиментальных тем. Здесь же высказан критический взгляд на абсурдность попыток идеологизировать жанр, изначально предназначенный для создания атмосферы тепла и радости. Особый комизм пародии придает гиперболизация в ней отдельных сюжетных ходов и типичных сцен рождественского рассказа.

В 1907 г. Измайлов продолжил рефлексировать над кризисом святочной литературы, что нашло отражение в новых фельетонах и пародиях:

Прошла литературная страда. Беллетристы, прикованные к своим столам и конторкам, распрямили спины. Рождественские номера газет вышли не хуже и не лучше, чем всегда. Они полны

рождественскими рассказами, очерками, сказками. В отчетах по своему ведомству Аполлон прочтет обычную стереотипную фразу, что к концу года по вверенному ему департаменту все обстоит как нельзя благополучнее. Утешительно отметит, что в нынешнем году совершенно отсутствовал спрос на замороженных мальчиков. С заколоченными домами тихо. С кающимися околоточными слабо. Приведения, являющиеся близким людям минута в минуту своей смерти, прошли при вялом настроении и только в очень серых листках. Недурно котировались картинки елок в богатых семьях и в подвалах среди пишущих дам. С разного рода детскими воспоминаниями твердо. По количеству строк чувствуется, что у многих из авторов рента падает.

Большинство авторов с именем вовсе не трогают мистических сюжетов. Таковы — Потапенко, фигурирующий во многих изданиях, Немирович-Данченко, Авсеенко, Баранцевич, Будищев... Потапенко отрешился и от своих традиционных малороссийских колбас. Его рассказы — из быта чиновничества. В одном случае захудалый чинуша, никак не способный составлять бумаг «по существу», лишается генералом предпраздничной награды. Чинуша расписывается на листе в его приемной: «лишенный гуся такой-то», — и приводит генерала в светлое настроение. В другом рассказе чиновник из завязых картежников скучает на праздниках до той поры, пока не узнает, что в клубе за милую душу идет игра среди «своих» даже и при закрытых парадных дверях. Характерно (и приятно), что большинство авторов воздержалось от соблазна, еще в прошлом году смущавшего многих. Баррикады, революционеры, браунинги, бомбы и вся подобная бутафория беллетристов-репортеров оставлена в покое¹⁶.

Этот обзор непосредственно связан с другой измайловской пародией «Последний графоман», для которой критик находит оригинальное сюжетное решение. Впервые под заглавием «Страшная месть, или Райский сон (Мечта рождественской ночи)» она была опубликована в праздничном номере газеты «Русское слово»¹⁷. «Бедному русскому критику снился сон» — так начинается шарж, представляющий собой описание сновидения литературного кри-

¹⁶ Аякс [Измайлов А.]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1907. № 10275. 29 дек. С. 3.

¹⁷ См.: Измайлов А. Страшная месть, или Райский сон: (Мечта рождественской ночи) // Русское слово. 1907. № 296. 25 дек. С. 3. Заглавие отсылает к повести Н.В. Гоголя, входящей в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки».

тика, оказывавшегося в покоех Аполлона¹⁸. Герой попадает в необычную обстановку, наполненную разнообразными предметами, тесно связанными с литературными произведениями: тут и кукла человека в чехле из брезента, которую критик соотнес с чеховским рассказом «Человек в футляре», и танцующий медведь, с горкой «бутафорских колбас из папье-маше» — «медведи из рождественских рассказов Каразина, у которого они всегда пляшут вокруг елки в лесу» и т. д. Здесь же нашлась и «Тредьяковского свирель», валявшая «полтора года лет в углу», затребованная в двадцатом столетии Вяч. Ивановым.

Разглядывая покои Аполлона, критик вслушивается в диалог хозяина покоев с секретарем Парнаса, из разговора становится известно, что лучезарный бог некоторое время назад дал распоряжение: «Кто напишет рождественский рассказ о заколоченном доме, приведении в белом, раскаявшемся околоточном, — повинен в оскорблении величества Аполлона и будет повешен» (КЗ. С. 224). После издания циркуляра обстановка на литературном Парнасе резко изменилась, «Диккенс перевортывался-перевортывался в гробу, да и опять на спину лег». Однако нашелся последний графоман, который ослушался и написал рассказ о кающемся околоточном, за что был подвергнут суду и, не имея смягчающих обстоятельств, приговорен к смерти через повешение. В момент приведения приговора в исполнение критик проснулся и увидел на столе груды газет, в каждой из которых были рождественские рассказы и тут же письма от трех редакторов, в каждом из которых просьба о критическом отклике на «нынешние рассказы».

В этой пародии проблема кризиса жанра решается в гротескно-комическом ключе. Высоко о ней высказался эпистолярный собеседник Измайлова Лазарев-Грузинский:

Был рад в «Крив<ом> зеркале» встретиться с «Посл<едним графоманом>», кот<орый> понравился мне более других рожд<ественских> рассказов и о котор<ых> Вы писали: «это пустяк». Ну да, конечно, пустяк, но милый, выдержанный, законченный. Все

¹⁸ Этот прием, по-видимому, Измайлов подсмотрел у Буренина. А.И. Рейтблат в работе «Книга “Бес в столице” и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В.П. Буренина)» отметил сходные приемы в фельетонах нововременского зоила: «...Буренин иногда вводил в свои фельетоны фантастические сцены. Например, в одном из них (1866. № 64) изображена ночная встреча автора на невском льду с олимпийскими богами, во время которой Аполлон дает резко критическую характеристику современным русским поэтам» [9, с. 320]. Упомянут фельетон Буренина «Общественные и литературные заметки» (Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 64. 6 марта. С. 1–2; подпись: *Выборгский Пустынник*).

это я очень ценю. Переноса дело в область скульптуры, я сравнил бы Вас со скульп<тором>, кот<орый> удачно вылепил маленькую, оригинальную головку — пустячок; другие же, Баранцевич и проч. «рождественцы», затеяли целые группы, но, недурно вылепив па-лец одной из фигур, вместо групп дали обсосанные сосульки или тех топорных чудищ, которые давали старые допотопные кустари. Боборыкин воспел каких-то сознательных наборщиков или коррек-торов, Баранцевич заморозил босяка и т. д. Скучно же это, пошло, старо¹⁹.

Прием гротеска (фантастическое перенесение действия в покои Аполлона) Измайлов широко применял в своем творчестве. В част-ности, при написании одноактной пьесы «Аукцион у Аполлона», шедшей в 1909 г. в кабаре театрального клуба «Кривое зеркало» и представляющей собой «сатирические фельетон, в котором осмеи-вается всякая залежь и новая модернистская галантерея»²⁰. Действие пьесы сводится к аукциону, на котором с молотка продаются разные литературные залежи: «редкий экземпляр недотыкомки», «один философствующий босяк», «114 романтических босяков, умеющих говорить языком Марлинского», «крылья Кузмина», «кобра г-жи Гиппиус» и проч. На торги выставлены и атрибуты рождествен-ского рассказа: «313 замороженных мальчиков из рождественских рассказов, специально для дам писательниц», «110 медведей пля-шущих в лесу вокруг елки», «115 медиков и столько же курсисток, спасающих деревню от тифа и перед смертью признающихся друг другу в любви», «116 кающихся сыщиков, 28 исправляющихся ре-волюционеров, критическая оглобля г. Россовского, съеденные зубы г. Буренина, один цензор, обращающийся на путь либерализма под звон пасхальных колоколов...»²¹

Композиция другой пародии — «Как писать святочные расска-зы» — выстроена в форме цикла: под общим названием представлена серия небольших законченных сюжетов на заданную тему в разных изводах (этот прием Измайлов опробовал в целом ряде других своих пародий)²². В шарже «Как писать святочные рассказы» Измайлов дал несколько пародийных образцов святочного рассказа в двух

¹⁹ Письмо от 9 мая 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 20–20 об.

²⁰ [Б. п.]. Кривое зеркало // Театр и искусство. 1909. № 3. С. 48.

²¹ Измайлов А. Аукцион у Аполлона // Санкт-Петербургская Театральная библиотека. Шф. 44773. Л. 3. (См. также пародию «Футуристы» в сборнике Измайлова «Осиновый кол» (Пг., 1915. С. 66–71)).

²² Ср.: «Любовь у старых и новых писателей...», «История русской лирики от Тредьяковского до Кузмина», «История русской критики».

парадигмах: социально-политической и эстетической («рассказ истинно русский», «рассказ либеральный», «рассказ стиля модерн»). В каждом из «образцов» гипертрофированы характерные черты святочного рассказа: «Рассказ истинно русский» — это шарж на консервативно-патриотический стиль ультраправой прессы, который распространился на изящную словесность. «Рассказ либеральный» высмеивает либеральные клише, социальную проблематику и морализаторство, в нем гиперболизированы темы сострадания к угнетенным, критика несправедливости. «Рассказ стиля модерн» пародирует декадентскую стилистику, интерес к таинственному, загадочному, представленные здесь в утрированном виде, усиленные нарочитыми повторами.

В «Рассказе истинно русском» говорится о Силе Трифоныче, торговце резиновыми изделиями истинно русской мануфактуры, высоком патриоте и члене Союза русского народа. Он возвращается под Рождество домой и обнаруживает у дома подкинутого новорожденного младенца: «Это был явно перст Божий. Сила Трифоныч покорно склонил перед ним голову. Мозолистыми трудовыми руками он поднял младенца и понес его домой» (КЗ. С. 172). Во время крестин внезапно обнаруживается, что ребенок обрезан. Началась паника: «батьюшка вздрогнул и торопливо стал искать в требнике, как предписано поступать в подобном случае отцам второго лаодикийского собора», «певчие стояли потрясенные», с женою сделалась истерика. Только главный герой сохранил «высокое спокойствие духа» и овладев собою заявил: «Тяжелое испытание послал мне Бог. <...> Усыновляю его, хотя он и жид» (Там же). Х. Баран предполагает, что сюжетным прототипом пародии мог послужить рассказ в правой газете «Россия», «где акушерка в родильном доме подменяет христианского ребенка еврейским, в результате чего христианскому ребенку было сделано обрезание, а еврейского мальчика крестили. Несколько месяцев спустя, на Пасху, подмена детей обнаружилась, и сначала привела в ярость обе пары родителей. В конце рассказа страсти утихли, и мать-еврейка, умиленная зрелищем обоих детей, спокойно спящих рядом, выразила готовность креститься»²³ [4, с. 71].

Заключительная пародия, вошедшая в «Кривое зеркало», — «Гомункул (Рождественский рассказ)»²⁴, — представляет собой

²³ Подразумевается публикация: Миклашевский М.М. Злая шутка // Россия. 1908. № 732. 13 апр. С. 4.

²⁴ Измайлов А. Гомункулюс: (Рождественский рассказ) // Русское слово. 1908. № 299. 25 дек. С. 5–6.

бытовой анекдот. Этот шарж впервые опубликован в рождественском выпуске «Русского слова». Повествование ведется от лица профессора, интригующего компанию четырех прекрасных дам: «Вы видите перед собой человека, который так или иначе был однажды прикосновенен к делу рождения Гомункула». Профессор красноречиво рассказывает собеседницам разные истории «из мира науки»: о Парацельсе, о студенте-химике, задавшемся целью из собственной крови выпарить железо и сделать колечко своей невесте и умершем от истощения после многочисленных кровопусканий, о студенте-химике по прозвищу Менделеев, проникнутого горячей идеей создания искусственной клетки. В один из зимних вечеров («один из тех, за которые дорого дал бы рождественский беллетрист») к профессору пришел мальчишка с запиской. Профессор, взволнованный просьбой химика прийти по неотложному делу, обуреваемый «дикими предположениями» о мировом открытии, поспешил к молодому коллеге. Увидав того в растрепанных чувства, и услышав о рождении мальчика, профессор предположил, что родился Гомункул. На самом же деле оказалось, что у коллеги родился сын.

Эта пародия мастерски обыгрывает типичные мотивы святочного рассказа: ожидание чуда, которое должно случиться зимней рождественской ночью. В одном из своих обзоров святочных рассказов Измайлов точно определил основные признаки жанра: «Так повелось, что рассказ должен быть или фантастическим и загадочным, или пробуждающим добрые чувства. <...> Создался рецепт, по которому стали сочиняться святочные новеллы. Немножко чертовщины, немножко доброго чувства».²⁵ Финал «Гомункула», решенный в реально-бытовом ключе, пародирует кульминационные «чудеса» святочной прозы.

Современные исследователи отметили, что пародии на святочный рассказ в начале XX в. «свидетельствовали о том, что святочный жанр отработал свои возможности» [8, с. 25]. Измайлов в этом отношении был одним из критиков системно говорящем о назревшем кризисе календарной литературы. Кризис жанра рождественского рассказа получил яркое отражение в наследии Измайлова (в том числе в комическом его изводе — пародиях)²⁶. Кроме названных шаржей: «Рождественские крендели», «Последний графоман», «Как писать святочные рассказы», «Гомункул», — штампы святочного рассказа («замороженные мальчишки», «танцующие медведи»

²⁵ Измайлов А. Рождественская литература // Родная нива. 1904. № 52. С. 474.

²⁶ Помимо отмеченных см. также: Измайлов А.: 1) Святочные итоги // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. № 10882. 29 дек. С. 5, 2) Подарки рождественского деда: (Детская рождественская литература) // Русское слово. 1911. № 294. 22 дек. С. 4.

и пр.) встречаются в других миниатюрах Измайлова; упомянем и не вошедшие в «Кривое зеркало»: «Интервью с преисподней. (Кошмар испуганного человека)»²⁷, «Счастливые. (Святочная баллада)»²⁸, «Как я играл в бирюльки с дьяволом. (Очень страшный рассказ)»²⁹.

В каждой из этих пародий Измайлов оригинален, использует разнообразные художественные и композиционные приемы. Многие из сюжетных ходов подсказаны практикой газетного критика-обозревателя. Пародии Измайлова на рождественские рассказы стали важным дополнением его серьезных статей. Его шаржи представляют собой не только набор комических зарисовок, но своеобразную рефлексию над кризисом жанра. Автор не просто высмеивает устоявшие штампы святочных новелл — нарочитую сентиментальность, обязательное присутствие чудесного спасения в последнюю минуту, идеализированные образы бедняков и богачей, внезапное прозрение и всеобщее примирение и проч. — в его пародиях эти элементы доведены до абсурда, обнажают искусственность и предсказуемость рождественской истории, представляют собой своеобразный диагноз жанру. Особое внимание Измайлов уделяет языку: его фразы остры и метки, а диалоги — полны остроумных реплик и каламбуров. Он пародирует не только содержание рождественских рассказов, но и их стиль, манеру повествования авторов, работавших в этом жанре. Критик не отрицает возможность существования рождественского рассказа как такового, но призывает к переосмыслению его основных принципов и отказу от застывших форм. В его текстах сквозит не только критика, но и надежда на обновление жанра. Так, в обзоре рождественских литературных поделок 1907 г. Измайлов указывает на возможный путь к преодолению кризиса названного жанра: «Замечается, вообще, сильное ослабление таинственного элемента. Русский автор начинает все заметнее трактовать это таинственное в юмористическую сторону. <...> Все большие и большие права завоевывает шарж. С его помощью, быть может, уже невольно совершится столь назревшая реформа совершенно обаналившегося у нас, в России, святочного рассказа»³⁰.

²⁷ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1906. 29 дек. С. 3 (подпись: Аякс).

²⁸ Русское слово. 1913. № 297. 25 дек. С. 6.

²⁹ Включена в сборник «Осиновый кол». Впервые под заглавием «Досути сатаны. (Рождественский рассказ)» опубликована в журнале «Огонек» (1910. № 52. 25 дек. С. 10–13).

³⁰ Аякс [Измайлов А.]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1907. № 10275. 29 дек. С. 3.

Литература

1. А.А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грыкаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.
2. Александров А.С. А.А. Измайлов — критик и журналист. СПб.: АРТ БУК, 2025. 640 с.
3. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 284–328.
4. Баран Х. Пасха в 1917 года: Ахматова и другие в русских газетах // Ахматовский сборник. Париж: Изд-во Ин-та славяноведения, 1989. Вып. 1. С. 53–75. (Серия «Русская библиотека Института славяноведения»)
5. Бондаренко М.И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840–1890-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 26 с.
6. Душечкина Е.В. Русская елка. История, мифология, литература. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 424 с.
7. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 550 с.
8. Душечкина Е., Баран Х. «Настали вечера народные веселья...» // Чудо рождественской ночи: святочные рассказы / сост. Е. Душечкина, Х. Баран. СПб.: Худож. лит., 1993. с. 3–32.
9. Рейтблат АИ. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
10. Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская: переписка с А.А. Измайловым / публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 194–293.

Research Article

A.A. Izmailov's Parodies of Christmas Stories

© 2026. Alexander S. Alexandrov
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-02145 “Complete

Collection of Parodies and Caricatures by A.A. Izmailov: Sources, Commentary, Context” (Available at: <https://rscf.ru/project/25-28-02145/>).

Abstract: This article analyzes critical assessments and parodies of Christmas stories by A.A. Izmailov (1873–1921), a leading literary critic of the early 20th century. Izmailov authored a series of parodies of Christmas fiction: his collection *Distorted Mirror* includes four such parodies: “Christmas Pretzels,” “How to Write Christmas Stories,” “The Last Graphomaniac,” and “Homunculus (A Christmas Story).” The article examines these parodies in detail, noting their connection to Izmailov’s “serious” critical writings and identifying the sources and artistic techniques of his parodic texts. It also emphasizes the growing role of parodies in the early 20th century, which became an effective tool in the arsenal of literary criticism.

Keywords: Christmas story, parody, feuilleton, criticism, grotesque, paraphrase, literary cliché

Information about the author: Alexander S. Alexandrov, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Aleksandrov, A.S. “A.A. Izmailov’s Parodies of Christmas Stories.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 235–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-235-252>

References

1. A.A. Izmailov: *Perepiska s sovremennikami* [A.A. Izmailov: *Correspondence with Contemporaries*], comp., *introd. by* A.S. Aleksandrov; introd., text prep. and notes by A.S. Aleksandrov, E.K. Aleksandrova, N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov, A.S. *A.A. Izmailov — kritik i zhurnalist* [A.A. Izmailov — Critic and Journalist]. St. Petersburg, ART BUK Publ., 2025. 640 p. (In Russ.)
3. Baran, Kh. “Dorevoliutsionnaia prazdnichnaia literatura i russkii modernism” [“Pre-revolutionary Festive Literature and Russian Modernism”]. Baran, Kh. *Poetika russkoi literatury nachala XX veka*. [Poetics of Russian Literature of the Early 20th Century]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1993, pp. 284–328. (In Russ.)
4. Baran, Kh. “Paskha v 1917 goda: Akhmatova i drugie v russkikh gazetakh” [“Easter 1917: Akhmatova and Others in Russian Newspapers”]. *Akhmatovskii sbornik* [Akhmatova Collection], vol. 1. Paris, Institute of Slavic Studies Publ., 1989, pp. 53–75 (Series “Russkaia biblioteka Instituta slavianovedeniia”) [“Russian Library of the Institute of Slavic Studies”] (In Russ.)
5. Bondarenko, M.I. *Traditsii “Rozhdestvenskikh povestei” Dikkensa v russkom sviatochnom rasskaze 1840–1890-kh godov* [Traditions of Dickens’s “Christmas Stories” in Russian Christmas Stories of the 1840s–1890s: PhD Thesis, Summary]. Kolomna, 2006. 26 p. (In Russ.)
6. Dushechkina, E.V. *Russkaia elka. Istoriia, mifologiya, literatura* [Russian Christmas Tree. History, Mythology, Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 424 p. (In Russ.)

7. Dushechkina, E.V. *Russkii sviatochnyi rasskaz: Stanovlenie zhanra* [Russian Christmas Story: Formation of the Genre]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 550 p. (In Russ.)

8. Dushechkina, E., and Kh. Baran. “‘Nastali vechera narodnye veselie...’” [“The Evenings of Folk Merriment have Arrived...?”]. *Chudo rozhdestvenskoi nochi: sviatochnye rasskazy* [The Miracle of Christmas Night: Christmas Stories], comp. by E. Dushechkina, Kh. Baran. St. Petersburg, Khudozhestvennaia literature Publ., 1993, pp. 3–32. (In Russ.)

9. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 416 p. (In Russ.)

10. “Fedor Sologub i An.N. Chebotarevskaya: perepiska s A.A. Izmailovym” [“Fedor Sologub and An.N. Chebotarevskaya: Correspondence with A.A. Izmailov”], publ. by M.M. Pavlova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 194–293. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 10.04.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026